

И.А. Ладынин

ОБОЗНАЧЕНИЕ *Stt* В «СТЕЛЕ САТРАПА» (Urk. II. 13.4): К ВОСПРИЯТИЮ МИРОВОЙ ДЕРЖАВЫ АРГЕАДОВ НА ВОСТОКЕ *

Основной текст «Стелы сатрапа» – египетского иероглифического источника, относящегося к событиям предпоследнего десятилетия IV в. до н.э.¹, – открывается датировкой годом царствования Александра IV (сына Александра Великого и Роксаны): *ḥꜣt-sp 7-t tpy ꜣḥt ḥr ḥm n...* [далее следует полный вариант египетской царской титулатуры Александра IV. – И.Л.] *sꜣ Rꜥ 'Irwksidrs ꜣnḥ dt...* (Urk. II. 12. 12–13.2) – «Год царствования 7-й, 1-й [месяц сезона] *axem* при величестве..., сына Ра, Александра, да живет он вечно...²», т.е. ноябрь–декабрь 311 г. до н.э.. За датировочной формулой следует фраза, к которой хотелось бы привлечь внимание: *iw.f m nsw m t ꜣwy ḥꜣswt iw ḥm.f m-ḥnt Stt iw wn wr-ꜣꜣ m B ꜣkt Ptrwmis rn.f.* (Urk. II. 13.3–5) – «[Когда был] он (Александр IV. – И.Л.) царем в Обих Землях (= Египте) [и] чужеземных странах, [когда было] Величество его в Азии, тогда был в Египте (*Bꜣkt*; см. Wb. I. 425. 18. – И.Л.) правитель великий по имени Птолемей» (Urk. II. 13.3–5). Особенностью этой фразы является употребление в ней слова *Stt*³, которое

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ «Историческая география и типы межрегиональных взаимодействий в древности» (№ 02-06-80163).

¹ Основные издания «Стелы сатрапа»: Urk. II. 11–22; *Bey Kamal A. Stèles ptolémaïques et romaines. 2. Le Caire – Leipzig, 1905 (CG. 23001–23246). P. 168 ff. Pl. 61. Важнейшие переводы: Roeder G. Die ägyptische Religion in Texten und Bildern. I: Die ägyptische Götterwelt. Zürich, 1959. S. 100–106; Das Dekret des späteren Königs Ptolemaios I. Soter zugunsten der Götter von Buto (Satrapenstele), 311 v. Chr. (Übersetzung und Kommentar von U. Kaplony-Heckel) // Texte aus der Umwelt des Alten Testament. I: Rechts- und Wirtschaftsurkunden. Historisch-chronologische Texte. Aachen, 1982. S. 613–619.*

² 1-м годом формального царствования Александра IV в Египте был египетский год, продолжавшийся с 10 ноября 317 г. по 9 ноября 316 г. до н.э. и пришедший на время непосредственно после убийства Филиппа Арридея по приказу Олимпиады в октябре 317 г. до н.э. (*Diod. XIX. 17; демотический Pap. Bibl. Nat. 219, относящийся к январю–февралю 316 г. все еще содержит датировку очередным 8-м годом царствования Арридея, однако в Pap. Loeb 27, относящимся к апрелю 316 г., появляется уже датировка 1-м годом Александра IV: Pestman P.W. Chronologie égyptienne d'après les textes démotiques (332 av. J.-C. – 453 ap. J.-C.). Leiden, 1967 (Papyrologia Lugduno – Batava, 15). P. 12). Таким образом, первый месяц Половодья, т.е. начало 7-го года Александра IV, должен был прийти на ноябрь–декабрь 311 г. до н.э. (см. данные о начале года в египетском летосчислении для интересующей нас эпохи: *Skeat T. C. The Reigns of Ptolemies. München, 1969² (МВРАР, 39). P. 9 ff.*). О невозможности отнесения 1-го года царствования в Египте Александра IV к 324–323 г. до н.э. (см. основанную на этом датировку Pap. BM 10188 от 12-го года Александра IV: *Spiegelberg W. // RT. 1913. 35. P. 35. Not. 1; Möller G. Hieratische Paläographie. III. Lpz, 1936. S. 9–10) и соответственно датировки «Стелы сатрапа» началом 310-х годов (*Струве В.В. Манефон и его время // ЗКЗ. 1928. 3. С. 141–142: ошибочно 317/316 г., а не 318/317 г., в соответствии с правильным отсчетом от 324/323 г.; ср. Jouguet P. La politique intérieure du premier Ptolémée // BIFAO. 1930. 30. P. 523), см. *Spiegelberg W. Die demotische Papyri Loeb. München, 1931. S. X–XI. Anm. 15 (прим. В. Отто); Ладынин И.А. К датировке «Стелы сатрапа» и интерпретации ее исторической части (Urk. II. 12.12–15.16) // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. С. 180–183.****

³ Выписано следующим образом: в верхнем регистре строки знак S_{22} (см. GG(SL); «оплечье», фонетическое значение \underline{s}) с тремя необычными поперечными вертикальными чертами; под ним, в нижнем

автор данной статьи, вслед за устоявшейся в египтологической литературе традицией, переводит как *Азия* (подробнее см. ниже). Между тем известно, что с тех пор, как Антипатр, ставший после совещания диадохов в Трипарадейсе регентом при царях-наследниках Александра Великого, перевез их в Македонию (в 320 г. до н.э.; Arr. Succ. Alex. 38; Diod. XVIII. 39. 7), Александр IV не покидал Балканского полуострова. В 311 г. до н.э., когда была составлена «Стела сатрапа», он находился в заточении у Кассандра в Амфиполе (ср. Diod. XVIII. 52. 4; Iust. XIV. 6. 13)⁴. Таким образом если исходить из исторических реалий конца 310-х гг. до н.э., слово *Stt* должно обозначать в тексте *Македонию*. Подобное употребление слова представляется уникальным и, следовательно, требует объяснения.

Хорошо известно, что обозначение *Stt/Stt* и (и производные от него *Styw/Sttyw*) в египетских иероглифических текстах с начала III тыс. до н.э. неизменно относились к землям к востоку и северо-востоку от Египта (и соответственно их обитателям). Это отразилось в установившейся традиции их перевода как «Азия» и «азиаты»⁵.

регистре строки, два знака X_1 («хлеб», $\bar{\imath}$); далее по направлению чтения два детерминатива A_{49} (?; «сидящий иноземец»), по-видимому, соответствующие детерминативам T_{14} («метательная дубинка») в других случаях написания *Stt* в «Стеле сатрапа» (Urk. II. 14.9–10, 16.14; см. ниже). При уточнении данных написаний, помимо автографии К. Зете («Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit»), автором настоящей статьи были использованы фотографии текста «Стелы сатрапа», любезно предоставленные проф. Э. Винтером (Трирский университет, Германия).

⁴ О событиях жизни Александра IV и его месте в политической борьбе времени диадохов см. *Шофман А.С.* Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984. С. 53–54, 65–67; *Seibert J.* Das Zeitalter der Diadochen. Darmstadt, 1983 (Erträge der Forschung, 185). S. 194–195 (сводка основных публикаций источников и исследований); *Errington R.M.* A History of Macedonia. Berkeley – Los Angeles – London, 1990. P. 117–129; о проблемах хронологии начала эпохи диадохов см. *Bosworth A.B.* Philip III Arrhidaeus and the Chronology of the Successors // *Chiron*. 1992. 22. S. 55–81 (с подробными отсылками к полемике в литературе).

⁵ Wb. IV. 348. 3, 6; Belegst. IV. S. 55; *Gauthier H.* Dictionnaire des noms géographiques contenus dans les textes hiéroglyphiques. VI. Le Caire, 1929. P. 95; *Helck W.* Fremdvölkerdarstellungen // *LÄ*. II. Sp. 319. Самые ранние случаи употребления данного термина относятся к I династии: *Petrie W.M.F.* The Royal Tombs of the First Dynasty. L., 1900. I. Pl. 12. № 12–13; Pl. 17. № 30; II. Pl. 22. № 181. Точную этимологию *Stt/Stt* и производных от него можно, как кажется, найти исходя из возведения их к глаголу *sti* – «стрелять из лука» (Wb. IV. 326–327). Последний представляет собой, на самом деле, один из вариантов глагола «бросать» с широким спектром значений (бросать предметы – *ibid.* 328.3–4; в том числе зерно, т.е. «сыпать», – *ibid.* 328.7–8; жидкость, т.е. «выливать, испускать», – *ibid.* 328.9–329.16; лучи, т.е. «светить», – *ibid.* 330.13–331.1). Подобная интерпретация термина *Stt/Stt* кажется вероятной в свете несомненных этимологий таких египетских обозначений чужеземных народов, как *pdt/pdtyw* (Wb. I. 570.1–5), *iwntyw* (*ibid.* 55. 3–7: «[относящиеся к] луку-*iwnt*» применительно к населению неегипетских областей), *pdt*-9, (*ibid.* I. 570. 6–7: «Девять луков» как собирательное обозначение внешних врагов Египта с оттенком «множество варваров»; *Säve-Soderberg T.* Bogenvölker // *LÄ*. I. Sp. 844–845; *Виноградов А.К.* Древнеегипетский фразеологизм «девять луков» // *Мероэ*. 3. М., 1985. С. 78–100), возможно, *Sty/T3*-.*Sty* и *Styw* (Wb. III. 488. 7–10, 11–12: «Нубия» как «страна лука-*st*» и «нубийцы»; *Виноградов*. Ук. соч. С. 82; см., однако, GG(SL). Aa32. P. 527. Not. 1) и в особенности явно деривативное от глагола *sti* обозначение *styw* (Wb. IV. 328: «стреляющие из лука» применительно к народам Азии). Доводом против предлагаемой этимологии может показаться использование разных знаков для написания основ глагола *sti* и интересующих нас термина *Stt/Stt* и его производных. В первом случае это знак F_{29} («шкура леопарда, пронзенная стрелой»), являющийся здесь детерминативом и в иных ситуациях имеющий фонетическое значение *st*; во втором случае это знак S_{22} («оплечье») с основным фонетическим значением *st*. В то же время взаимпереходность звуков $\bar{\imath}$ и $\bar{\imath}$ и соответствующих им знаков в египетском языке общезвестна, а ряд примеров фиксирует взаимозаменяемость названных нами знаков (S_{22} в написании глагола *sti* в значении «лить воду» – стела BM1164, 8; *Faulkner R.O.* A Concise Dictionary of Middle Egyptian. Oxf., 1962. P. 252; F_{29} в написании имени богини *Sjt* – BM 852, Urk. IV. 88. 14, ср. Prg. 1116; Wb. IV. 333, GG(SL). F_{29} . P. 456, *Faulkner*. Op. cit. P. 256). Особенно показательно употребление в Питомской стеле знака F_{29} в написании собственно термина *Stt* (Urk. II.91.6. Anm. 'a'; *Gauthier*. Op. cit. VI. P. 63; *Lorton D.* The Supposed Expedition of Ptolemy II to Persia // *JEA*. 1971. 57. P. 161). Сам термин *Stt/Stt* можно рассматривать как инфинитив глагола *sti* (учитывая его принадлежность к классу *Zae inf.*) или как его причастие женского рода; при любом из этих вариантов данная глагольная форма должна была подвергнуться субстантивации и в ряде случаев (хотя далеко

Несомненно, что обозначение *Stt* в приведенной фразе не могло служить указанием на неегипетские земли вообще. В таком значении, на наш взгляд, с большей вероятностью можно было бы ожидать слова *h3swt* (ср. другие фрагменты «Стелы сатрапа»: Urk. II. 13.3, 14.6, 21.9). Вряд ли можно усмотреть в подобном использовании слова и ошибку составителей иероглифического текста «Стелы». Очевидно, что таковая могла быть допущена только в том случае, если реальное местонахождение Александра IV им было неизвестно или, к примеру, безразлично. Однако все это трудно представить, когда речь идет о подданных (тем более об образованной чиновной элите) любого монархического государства. В Египте мы к тому же имеем дело с специфической идеологической традицией, в рамках которой образ легитимного правителя сакрализуется, сам факт его наличия имеет совершенно исключительное значение для благополучия страны, а его отсутствие создает опасность космической катастрофы⁶. Кроме того, в условиях полной превратностей борьбы между диадохами именно участь представителей дома Аргеадов, в том числе их присутствие (добровольное или вынужденное) в том или ином лагере, в значительной мере определяли уровень притязаний участников этой борьбы, степень ее напряженности и ее возможные последствия для разных частей прежней державы Александра, включая Египет. Разумеется, не может быть сомнений в том, что его местная элита хорошо это осознала. По этой причине все доступные подробности о судьбе Александра IV заведомо не могли не быть в центре внимания представителей египетской элиты, включая и составителей «Стелы сатрапа». Между тем как раз сведения о его нахождении в плену у Кассандра в Македонии столь же заведомо не могли составлять никакой тайны. Нет сомнения, что казнь по наущению Кассандра Олимпиады и захват им Роксаны и Александра IV в 316 г. до н.э. (Diod. XIX. 51–52; Just. XIV. 6. 6–13) немедленно стали известны всей греко-македонской ойкумене: очень скоро обвинение Кассандра и требование об освобождении царственных узников было публично «озвучено» Антигоном (Diod. XIX. 61. 1–3). Напомним, что в близком по времени к составлению «Стелы сатрапа» договоре диадоров 311 г. до н.э. пребыванию молодого царя под властью Кассандра неявно придается законный статус: Кассандр провозглашается «стратегом Европы» до совершеннолетия Александра IV (ibid. 105. 1). Следовательно, выяснить местонахождение легитимного фараона составителям «Стелы сатрапа» не составляло труда: служившие сатрапу Птолемею греко-македонские военные или чиновники несомненно обладали этими сведениями. При этом явная идеологическая направленность «Стелы», переносящая на Птолемея ряд общих традиционных царских восхвалений, убеждает, что ее составление предполагало выполнение «политического заказа» тогдашней греко-македонской элиты Египта⁷. Это подразумевает несомненные контакты составителей текста с «заказчиками». Учитывая все сказанное, возможность «неведения» составителей «Стелы сатрапа» относительно истинного местонахождения Александра IV представляется крайне незначительной.

Следовательно, кажется правомерным исходить из того, что, употребляя в данном фрагменте «Стелы сатрапа» обозначение *Stt*, ее составители вполне осознанно относили его к Македонии. Попробуем обосновать эту версию более подробно, обратившись к двум другим случаям его употребления в «Стеле сатрапа». Наиболее простой

не всегда) изменить свою вторую корневую согласную на *-t*. Заметим, что последнее фонетическое изменение достоверно зафиксировано в таких глаголах, явно представляющих собой варианты общего глагола *sti* («бросать»), как *sti* (Wb. IV. 346.13–347.7: «сеять, рассыпать») и *sti* (ibid. 347.10–348.2: «испускать семя, оплодотворять, зачинать»). Вероятным лексическим значением форм *Stt/Stt* должно быть «лук» или «стрельба из лука» (соответственно, *Sttyw/Sttyw* – нисбы от этого слова, по полной аналогии с *pdtw* и *iwtyw*). Ср. с мнением о «смещении» фонетической структуры обозначения *Stt/Stt* и корня *sti* («стрелять из лука») с производным от него обозначением *Stiw*: Gauthier. Op. cit. V. Caire, 1928. P. 95.

⁶ См., например: Derchain Ph. Le rôle du roi d'Égypte dans le maintien de l'ordre cosmique // Le pouvoir et le sacré. Bruxelles, 1962 (Annales du Centre d'Études des religions, I).

⁷ Ладынин. К датировке «Стелы сатрапа»... С. 196–198.

представляется интерпретация термина *Stt* во фрагменте, описывающем посещение Хаббашем (правителем, признававшимся фараоном по всему Египту ок. 337–335 гг. до н.э.)⁸ района Буто: целью этого визита был осмотр «устья каждого, впадающего в Великую Зелень, дабы отразить [любое] судно-*kbnt* Азии от Египта» (Urk. II. 16.14: [wd] hm.f r P-Dp] ... hr m} } iw-r nb šm r W^cd-wr r hsf kbnt nt [ошиб. nty] Stt r Kmt). Употребление слова *Stt* в данном контексте было отнесено к Персии Э. Спэлинджером, считавшим, что речь идет об использовании последней финикийских наемных или союзных военных кораблей⁹. В противовес этому мнению Х. Гёдики предположил, что данное обозначение должно относиться собственно к Финикии, так как слово *kbnt* восходит к египетскому топониму *Kbn* (Wb.V. 118.3–5: «Библи») и обозначает таким образом библские, т.е. финикийские, караван-триремы¹⁰. Подобный аргумент весьма уязвим: как показало исследование термина *kbnt* Дж. К. Дарнеллом, в позднее и греко-римское время, независимо от того, сохраняла ли тогда актуальность его этимологическая связь с египетским обозначением Библи, он мог употребляться по отношению к любым крупным морским кораблям, как военным, так и торговым, безотносительно к их конкретной принадлежности¹¹. В то же время само выражение *kbnt nt Stt* в данном фрагменте «Стелы» Дарнелл переводит как «корабли-*kbnt* Азии», не интерпретируя обозначение *Stt* более конкретно, но и не оспаривая при этом мнения Э. Спэлинджера и полагая, что эти корабли должны были иметь левантийское происхождение¹². Стоит, однако, задуматься, могли ли морские силы Ахеменидской державы в конце ее существования в принципе вызывать однозначную ассоциацию именно с Финикией и Левантом? В начале 340-х годов, при подавлении восстания Финикии и Кипра, Артаксеркс III, будучи, естественно, лишен возможности использовать их мощные морские силы, собрал тем не менее флот в 300 триер и 500 торговых и военных кораблей (Diod. XVI. 40. 6). При завоевании же этим правителем Египта в 343 г. до н.э. на десантных кораблях, участвовавших в высадке в устьях Нила (и, вполне возможно, действительно оснащенных в Финикии и отпльвших из ее портов), находились прежде всего греческие наемники во главе с командующими греками и персами (ibid. XVI. 47. 1–4). Как известно, одним из главных инициаторов воссоздания персидского флота при Дарии III в канун войны с Александром, а затем его командующим был родосский грек Мемнон (ibid. XVII. 7). Переход же на сторону Александра после его победы при Иссе и продвижения в Восточное Средиземноморье финикийских и кипрских кораблей хотя и сильно ослабил персидский флот (Arr. Anab. II. 20.1–3), но не уничтожил его полностью (известия о пленении его командующего Фарнабаза и уничтожении опорных пунктов персов в Эгееде Александр получил только в Египте, т.е. в конце 332 – начале 331 гг. до н.э.; ibid. III. 2.3–7). Иными словами, очевидно «многонациональный» характер персидского флота в отразившееся в данном фрагменте «Стелы сатрапа» время, скорее всего, должен был исключить его идентификацию по какому-то одному из регионов, поставлявших его корабли и контингенты. Соответственно, слово *Stt*

⁸ Из наиболее важных работ о Хаббаше и датировке его правления см. *Kienitz F.K. Die politische Geschichte Ägyptens vom 7. bis zum 4. Jahrhundert vor der Zeitwende*. В., 1953. S. 185–189 (Einzeluntersuchungen und Anlagen: 9: König-Chababasch); *Spalinger A. The Reign of King Chabbash: An Interpretation // ZÄS*. 1978. 105. S. 147–152; *Huß W. Der rätselhafte König Chababasch // Studi epigrafici e linguistici sul Vicino Oriente antico*. 1994. 11. P. 97–117 (с особенно подробными отсылками к литературе).

⁹ *Spalinger. The Reign of King Chabbash... P. 149–150. Not. 42.*

¹⁰ *Goedicke H. Comments on the Satrap Stela // BES*. 1985. 6. P. 38. Not. 22–23.

¹¹ *Darnell J.C. The kbnt.vt Vessels of the Late Period // Life in a Multi-Cultural Society: Egypt from Cambyses to Constantine and Beyond / Ed. J.H. Johnson. Chicago, 1992 (SAOC 51). P. 67–89 (см. особ. 67–68, 87–89). Заметим, что в случае правильности предложенных Гёдики этимологии слова *kbnt* и трактовки обозначения *Stt* образуемое ими выражение в целом представляло бы собой маловероятный плеоназм: «библские корабли [из] Финикии».*

¹² *Darnell. Op. cit. P. 85.*

в рассматриваемом фрагменте «Стелы сатрапа» должно обозначать либо в целом побережье Азии как территорию, откуда Египту в данное время в принципе могло бы угрожать нападение кораблей-*kbnt*, либо (что кажется нам более правдоподобным) ту внешнюю политическую силу, которая была заинтересована в их нападении и по воле которой оно могло быть осуществлено. Очевидно, что во время Хаббаша, т.е. в середине 30-х гг. IV в. до н.э., подобной силой могла быть только Ахеменидская держава, прямо заинтересованная в восстановлении своего утраченного при этом правителе владычества над Египтом¹³ и вполне соответствующая по своим границам термину *Stt* в его чисто географическом прочтении.

Другой фрагмент «Стелы сатрапа» сообщает, что Птолемей «принес (в Египет. – *И.Л.*) образы богов, найденные в Азии вместе с утварью всякой, «душами Ра» (священными книгами, см. *Wb.* I. 414. – *И.Л.*) всякими, принадлежащими храмам юга [и] севера» (Urk. II. 14.9–10; *in.n.f^chmw n nṯrw gm m-ḥnt Stt ḥn^c dbḥw nb[w] b³w R^c nb[w] nṯw ḡw-ḡw rs mḥyt*). Историческая достоверность этого сообщения, как и ряда его аналогов III в. до н.э., приписывающих возвращение египетских культовых предметов из Азии царям династии Птолемеев, кажется вполне возможной, но, несомненно, заслуживает отдельного подробного обсуждения¹⁴. Очевидно, однако, что это деяние могло быть совершено сатрапом Птолемеем лишь в результате его войн в Азии¹⁵; соответ-

¹³ Обстоятельства изгнания персов из Египта не позднее 338–337 гг. до н.э. неизвестны, однако сам факт его не вызывает сомнений, так как без него было бы невозможно распространение власти Хаббаша практически на весь Египет. О последнем говорят находки памятников этого правителя в Фивах и Мемфисе (см. *Kienitz*. *Op. cit.* S. 232; *Huß*. *Der rätselhafte König Chababasch...* S. 98–99; *Schneider H.D.* *The Memphite Tomb of Noremheb, Commander-in-Chief of Tutanchamun. II: A Catalogue of the Finds.* Louvain, 1996. P. 37) и свидетельство «Стелы сатрапа» о его присутствии в Дельте. *Terminus ante quem* правления Хаббаша и соответственно самое позднее возможное время восстановления власти персов в Египте определяется датировкой III ³ḥt 2-го года Дария III (Pap. dem. Louvre 2430, A, l. 1; по Ф.К. Киницу – январь–февраль 335 г. до н.э.); *terminus post quem* прихода Хаббаша к власти определяется по самой поздней датировке его мемфисского саркофага Аписиса III ³ḥt его 2-го года (*Gunn B.* *Two Inscribed Sarcophagi of the Serapeum // ASAE.* 1926. 26. P. 86–87; по Киницу – январь–февраль 336 г.) как конец 338 – начало 337 г.: *Kienitz*. *Op. cit.* S. 187–188.

¹⁴ Это деяние было приписано Птолемею II Филадельфу – в Питомском декрете (Urk. II. 91. 6–11 sq.), Птолемею III Эвергету – в греческом, иероглифическом и демотическом текстах Канопского декрета (OGIS 56. l. 10–11; Urk. II. 128. 11–129. 1–3; демотический текст см. по изданию: *Spiegelberg W.* *Der demotische Text der Priesterdekrete von Kanopus und Memphis (Rosettana) mit den hieroglyphische und griechische Fassungen und deutscher Übersetzung nebst demotischen Glossar.* Heidelberg, 1922) и надписи из Адулиса (OGIS 54. l. 20–22; ср. FGrH. № 260: *Porphyrios von Tyros*. F. 43), Птолемею IV Филопатору – в демотическом тексте «декрета Рафии» (сткк. 21–23: *Gauthier H., Sottas H.* *Un decret trilingue en l'honneur de Ptolémée IVème.* Le Caire, 1925. P. 36). См. *Lorton*. *Op. cit.* P. 160–164; *Winnicki J.K.* *Bericht von einem Feldzug des Ptolemaios Philadelphus in der Pithom-Stele // Journal of Juridical Papyrology.* 1990. 20. P. 157–167; *idem.* *Militäroperationen von Ptolemaios I. und Seleukos I. in Syrien in den Jahren 312–311 v. Chr. (II) // Anc. Soc.* 1991. 22. P. 168 (кроме того, Я.К. Винницкий указал – см. *ibid.* Anm. 61 – на подготовку им специальной статьи о топоге возвращении в Египет культовых предметов в птолемеевских текстах для «Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik», которая, насколько нам известно, так и не увидела свет); *Huß W.* *Der makedonische König und die ägyptischen Priester.* Stuttgart, 1994 (Historia. Einzelschriften 85). S. 46. Anm. 77–79; *Ладынин И.А.* Сведения о возвращении из Азии египетских культовых предметов правителями династии Птолемеев // *Античность в современном измерении.* Тез. докл. Всероссийской научн. конф., посвященной 35-летию научного кружка «Античный понеделник». Казань, 2001. С. 90–92.

¹⁵ О. Буше-Леклерк, в принципе сомневаясь в историчности данного сообщения, высказал мнение, что если оно все же соответствует действительности, то Птолемей должен доставить из Азии пресловутые культовые предметы при своем вступлении в Египет в качестве вновь назначенного сатрапа в конце 323 г. до н.э. (*Bouché-Leclercq A.* *Histoire des Lagides.* I. P., 1903. P. 11). Доводом против этого мнения может служить то соображение, что подобная акция заведомо имела бы смысл лишь в целях повышения Птолемеем своего статуса до уровня самостоятельного правителя Египта – продолжателя традиции фараонов. Однако в этом случае она вызвала бы немедленное (притом предварающее появление Птолемея в Египте) сопротивление регента державы Аргеадов Пердикки, опасавшегося устремлений сатрапа Египта (ср. с недовольством Пердикки захоронением в Египте спустя около года тела Александра: *Дройзен И.Г.* *История*

ственно, обозначение *Stt* в данном контексте должно относиться к тому региону, который был захвачен ходом их боевых действий. Скорее всего составители «Стелы сатрапа» имели в виду, что священные предметы были возвращены Птолемеем в результате описанной в этом тексте в традиционной стилистике египетских военных надписей кампании 312–311 гг. до н.э. (Urk. II. 15. 2–10)¹⁶. Согласно античным авторам, в ходе ее, после одержанной совместно с Селевком победы над Деметрием при Газе, Птолемее удалось занять Палестину, Финикию и Южную Сирию, но затем пришлось оставить их под ударами Антигона (Diod. XIX. 80–86; Plut. Dem. 4–5; Iust. XV. I. 6). Однако даже если допустить, что возвращение священных предметов произошло в результате какой-то другой военной кампании Птолема в Азии, то таковой за весь период с 323 г. до н.э. и до времени составления «Стелы» мог быть только захват сатрапом Египта у Лаомедонта Митиленского вскоре после смерти Антипатра (т.е. ок. 319 г.), по сути дела, тех же территорий Восточного Средиземноморья (Diod. XVIII. 43; Arr. Syp. 52; FGrH. № 239: Marmor Parium. B12; отсюда примерно через год Птолема вытеснил Эвмен: Diod. XVIII. 63.6; 73. 2)¹⁷. При описании в «Стеле сатрапа» азиатской кампании Птолема 312–311 гг. до н.э. (Urk. II. 15. 2–10) эти территории были обозначены как «страна Хару» (Urk. II. 15. 4: $p^{\dot{z}} t^{\dot{z}} n H^{\dot{z}} r[w]$)¹⁸. Появление в «Стеле» относящегося явно к этой же территории другого обозначения – *Stt* – в принципе может быть обычным случаем употребления более широкого, но все равно корректного термина вместо более узкого, но в контексте возвращения Птолемеем египетских культовых предметов оно, как кажется, приобретает особую

эллинизма. Т. 2. М., 1893. С. 57. 65; Diod. XVIII. 28. 2–29. 1; FGrHist. 156: Arr. F. 9. 25, 10. 1; Paus. I. 6. 3; Strabo XVII. 1. 8).

¹⁶ Hölbl G. Geschichte des Ptolemäerreiches: Politik, Ideologie und religiöse Kultur von Alexander dem Grossen bis zur römischen Eröberung. Darmstadt, 1994. S. 73. Anm. 14. Большинство исследователей считает, что «Стела» описывает азиатскую кампанию сатрапа Птолема именно 312 г. до н.э.: Bouché-Leclercq. Op. cit. I. P., 1903. P. 49. Not. 1; Griffith F.Ll. Catalogue of the Demotic Papyri in the John Rylands Library. Manchester, 1909. III. P. 318. Not. 1; Vandersleyen Cl. Les guerres d'Amosis, fondateur de la XVIIIe dynastie. Bruxelles, 1971 (Monographies Reine Élisabeth, I). P. 149; Winnicki. Militäroperationen von Ptolemaios I. und Seleukos I... P. 169. В.В. Струве, ошибочно датируя «Стелу» 317/316 г. до н.э. (см. прим. 2), считал, что речь в ней идет о военных действиях в Восточном Средиземноморье в 320–318 гг. до н.э. (Манефон и его время... С. 142); аналогичное мнение высказывал П. Фрэзер, сначала солидаризовавшись со Струве (Fraser P.M. Two Studies on the Cult of Sarapis in the Hellenistic World // Opuscula Atheniensia. I. Lund, 1960. P. 2. Not. 1), а затем указав, что описание азиатской кампании 312 г. не может предшествовать описанию хронологически более раннего подавления киренского восстания 313–312 гг. до н.э. (Urk. II. 15. 12–16; Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Oxf., 1972. II. P. 12. О том, что в основе композиции «Стелы» лежит не хронологический принцип, см. Ладынин. К датировке «Стелы сатрапа»... С. 191–192). Дж.К. Дарнелл высказал маловероятное предположение, что начальные строки данного фрагмента «Стелы» описывают увод Птолемеем военных кораблей, конницы и войск из Финикии до вторжения туда Антигона (ср. Diod. XIX. 58; Darnell. Op. cit. P. 76).

¹⁷ О военных кампаниях сатрапа Птолема в Азии см. Seibert J. Untersuchungen zur Geschichte Ptolemaios' I. München, 1969 (MVPAR, 56). S. 129–137, 148–151; Winnicki. Militäroperationen von Ptolemaios I. und Seleukos I... (I–II) // Anc. Soc. 1989. 20. P. 55–92; Anc. Soc. 1991. 22. P. 147–227; Hölbl. Geschichte des Ptolemäerreiches... S. 17.

¹⁸ $H^{\dot{z}} r[w]$ (Wb. III. 232. 7–10) – обозначение, употребленное в египетских иероглифических текстах с эпохи Нового царства. По мнению А.Г. Гардинера, относясь первоначально к примыкавшей к Египту территории южной Палестины, оно перешло затем на территорию Палестины, Финикии (по крайней мере, к югу от Библа) и Южной Сирии (Gardiner A.H. Ancient Egyptian Onomastica. Oxf., 1947. I. P. 181*–182*. № 567; ср. Ладынин. К датировке «Стелы сатрапа»... С. 183. Прим. 14). В то же время ряд фрагментов источников показывает, что обозначение $H^{\dot{z}} r[w]$ должно относиться, по сути дела, ко всему Восточному Средиземноморью (Немировский А.А. Гиксосы: к вопросам именования и происхождения // Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций. М., 2001. С. 121–123). Очевидно, что подобное истолкование этого термина прекрасно соответствует сведениям античных источников о театре азиатских кампаний сатрапа Птолема. Характерно, что в «Стеле сатрапа» термин $H^{\dot{z}} r[w]$ обозначает не только территорию страны, но и ее жителей, о чем свидетельствует согласование с ним в Urk. II. 15. 5–6, 8–10 местоимения-суффикса 3 л. мн. ч. [sn (т.е. $p^{\dot{z}} t^{\dot{z}} n H^{\dot{z}} r[w]$) – собственно «страна [людей] Хару?»).

мотивировку. В посвященных этому же сюжету птолемеевских текстах III в. до н.э. (см. выше прим. 14) вина за похищение священных предметов вполне однозначно возлагается на Персию. Нет оснований думать, что те из них, которые, как считалось, вернул в Египет еще сатрап Птолемей, были утрачены при иных обстоятельствах, нежели те, часть возвращения которых принадлежала его царственным преемникам¹⁹. Соответственно, территория Восточного Средиземноморья, на которой священные предметы были или считались обнаружены сатрапом Птолемеем, могла быть названа *Stt* по ассоциации с обозначавшимся таким же образом государством, включавшим ее прежде и ответственным за похищение этих предметов. Показательно, что в Питомском декрете и в иероглифической версии Канопского декрета страны, откуда Птолемей II и Птолемей III вернули египетские «реликвии», также обозначены как *Stt*, причем в Питомском декрете это обозначение фактически параллельно иероглифической транскрипции хоронима «Персия» (Urk. II. 91. 6–7: *šm nsw r tšyt Stt ph.nf r P₃-r-s-tt*; ср. в Канопском декрете: *ibid.* 128. 11: *P-r-s₃-t-t*)²⁰. Как кажется, сказанное позволяет хотя и косвенным образом, но достаточно уверенно отнести обозначение *Stt* в сообщении «Стелы сатрапа» о возвращении Птолемеем похищенных культовых предметов к Ахеменидской державе.

Случаем употребления обозначения *Stt* вне «Стелы сатрапа», наиболее близким к ней хронологически и исторически, оказывается фрагмент так называемой «Неаполитанской стелы», составленной от имени правителя Гераклеополя Семаутаитефнахта (Urk. II. 1–6)²¹ и датируемой последними десятилетиями IV (может быть, началом III) в. до н.э. Обращаясь к богу Хершефи, этот правитель среди прочего говорит: «Ты (т.е. Хершефи. – *И.Л.*) открыл [мне] частый доступ в царский дворец, [причем] сердце благого бога [было] довольно [тем, что] я говорил. Ты отличил меня среди множества, когда обратил ты тыл свой к Египту. Ты вложил любовь ко мне в сердце властителя Азии... Ты защитил меня при наступлении *хау-небу*, после того как ниспроверг ты Азию» (*ibid.* 3. 11–16: *wšh.n.k nmt n pr-nsw ib n ntr nfr hr hr ḏd.i tn.n.k wi*

¹⁹ О наиболее вероятных этапах вывоза персами культовых предметов из египетских храмов см. *Ладынин*. Сведения о возвращении... С. 91. Диодор (XVI. 51. 2) сообщает о вывозе из Египта Артаксерком III, наряду с захваченным в храмах золотом и серебром (включавшим, вероятно, и культовую утварь), также и храмовых текстов, которые якобы были потом возвращены египтянам за деньги Багоем; это известие особенно для нас важно, так как коррелируется с упоминанием в «Стеле сатрапа» утраченных «душ Ра». О мотивах разрушения персами храмов и захвата религиозных святынь враждебных им стран см. *Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 343.

²⁰ Обозначение *P₃-r-s-tt* в Питомском декрете интерпретировалось как «Персия» подавляющим большинством египтологов (см. переводы данного текста: *Brugsch H., Erman A.* // ZÄS. 1894. 32. S. 74–87; *Naville E.* The Store-City of Pithom and the Route of Exodus. L., 1903. P. 18–21. Pl. 8–10; *Roeder.* Op. cit. S. 114–128) прежде всего на основании сопоставления с его аналогом в Канопском декрете, значение которого не вызывало сомнений благодаря демотической и греческой параллелям. У. Тарн, а вслед за ним и ряд других исследователей, заключил, что оно является собирательным обозначением прежних земель Ахеменидской державы, в том числе тех территорий, которые реально могли быть захвачены описываемым в Питомском декрете походом Птолемея II (*Tarn W.W.* Ptolemy II and Arabia // JEA. 1929. 15. P. 9–25; *Kortenbeutel H.* Der ägyptische Süd- und Osthandel in der Politik der Ptolemäer und römischer Kaiser. Diss. B., 1931. P. 20–21; *Preaux Cl.* L'Économie royale des Lagides. Bruxelles, 1939. P. 356–357; *Fraser.* Ptolemaic Alexandria. I. P. 177. II. P. 301. № 350); иными словами, его употребление представляет полную аналогию постулируемому нами значению *Stt* во фрагменте «Стелы сатрапа» о возвращении культовых предметов. С 1970-х годов в ряде работ появляется мнение о возможности интерпретации *P₃-r-s-tt* в Питомском декрете как «Палестина» (*Lorton.* Op. cit. P. 161–162; *Bresciani E.* // EVO. 1983. 6. P. 22–23 – *non vidit*), приобретающее особенную четкость у Я.К. Винницкого (Bericht von einem Feldzug... S. 162–165; см. там же подробный обзор литературы); в то же время главная предпосылка вывода Винницкого – тезис о несовпадении данного обозначения с *P-r-s₃-t-t* Канопского декрета (*Ibid.* S. 161) не кажется нам бесспорным.

²¹ См. переводы и комментарии: *Tresson P.* La stèle de Naples // BIFAO. 1930. 30. P. 369–391; *Lichtheim M.* Ancient Egyptian Literature. III: The Late Period. Berkeley – Los Angeles – London, 1980. P. 41–44; *Perdu O.* Le monument de Samtoutefnakht à Naples // RdÉ. 1985. 36. P. 89–113; *Тураев Б.А.* История древнего Востока. Л., 1935. С. 164; *Перепелкин Ю.Я.* История древнего Египта. СПб., 2000. С. 462–464.

hnt hḥ m ir.n.k sꜥ.k r Bꜥkt di.k nrt.i m ib n hḥꜥ n Stt...; *ibid.* 4. 3–4: *mk.n.k wi m ḥꜥꜥ n hꜥꜥw-nbw[t] dr ḥsf.n.k Stt...*). По единодушному мнению исследователей, данный фрагмент «Неаполитанской стелы» указывает, что карьера Сематауитефнахта должна была начаться еще при ком-то из царей XXX династии («благом боге», дворец которого правитель Гераклеополя часто посещал)²². В дальнейшем, после завоевания Египта Артаксерксом III (когда бог «обратил тыл свой к Египту»), Сематауитефнахт оказался в благоприятном положении при дворе Великого царя («властиеля Азии») ²³, однако не пострадал и затем, когда персы потерпели окончательное поражение от греко-македонян²⁴. Очевидно, что здесь в обеих фразах, содержащих обозначение *Stt*, оно также относится к державе Ахеменидов. При этом понятие *Stt* четко отделено от греко-македонских завоевателей, названных *хау-небу*²⁵ – словом, которое в птолемеевское время становится одним из наиболее употребительных обозначений греков²⁶. Последняя особенность «Неаполитанской стелы», на наш взгляд, подтверждает, что употребление в рассматриваемом фрагменте «Стелы сатрапа» термина, обозначающего Азию, применительно к исконным землям греко-македонян не случайно и, вероятнее всего, имеет особую мотивировку.

Как видно из рассмотренных фрагментов иероглифических текстов раннеэллинистического времени, восходящих по своему содержанию к предшествующему периоду, термин *Stt* в них остается обозначением азиатских территорий, однако *mutatis mutandis*, с учетом того, что в середине IV в. до н.э. все они находились под властью Ахеменидской державы, и фактически превращается в ее обозначение. Подобное употребление данного термина заведомо не является единственным способом

²² Tresson. Op. cit. P. 389 («Ce Pharaon est probablement Nectanébo II»); Lloyd A.B. The Inscription of Udjahorresnet: A Collaboratory Testament // JEA. 1982. 68. P. 178; Perdu. Op. cit. P. 104. Comm. 'd'.

²³ Tresson. Op. cit. P. 390; Lloyd. Op. cit. P. 178–179; Perdu. Op. cit. P. 105–106. Comm. 'i'. О пребывании Сематауитефнахта при дворе Великого царя за пределами Обеих Земель, в Персии, свидетельствует его дальний, включавший морское плавание обратный путь в Египет (Urk. II. 4. 11–12); ср. с аналогичными эпизодами в судьбах современника Камбиса и Дария I Уджохорреснета и жившего в то же время, что и Сематауитефнахт, старшего сына Нектанеба II: Posener G. La première domination perse en Égypte. Le Caire, 1936 (BdÉ, 11). P. 21–22; Clère J.-J. Une statuette du fils aîné du roi Nectanab // RdÉ. 1951. 6. P. 148, 151–152; Menu B. Les carrières des Égyptiens à l'étranger sous les dominations perses: les critères de justification, leur évolution et leur limites // Trans. 1995. 9. P. 83–87.

²⁴ По мнению исследователей данного текста, о личном участии Сематауитефнахта в каком-то из крупных сражений персов с греко-македонянами (предположительно, о битве при Иссе или при Гавгамелах) свидетельствуют заключительная фраза нашего отрывка и ее продолжение: «Убивали они (*хау-небу*. – И.Л.) множество возле меня, [но] не поднялась ничья рука [букв. «рука его»] против меня» (Urk. II. 4. 5–6: *sm ꜥ sn hḥ m-gswy.i n fꜥꜥ f r.i*; Тураев. Ук. соч. С. 164; Tresson. Op. cit. P. 390; Perdu. Op. cit. P. 108. Comm. 't'). На наш взгляд, учитывая, что О. Пердю убедительно интерпретировал словосочетание *ḥꜥꜥ n hꜥꜥw-nbw[t]* в Urk. II. 4. 3 как не «сражение с *хау-небу*», а «наступление, продвижение *хау-небу*» (Perdu. Op. cit. P. 103: «l' offensive des Grecs»; 106–107. Comm. 'n'), такое истолкование не обязательно соответствует действительности. Практически равновероятно, что Сематауитефнахт, находясь при царском дворе в Персиде, мог быть свидетелем ее занятия греко-македонскими войсками, осуществлявшегося с большой жестокостью (Шахермаір Ф. Александр Македонский. М., 1984. С. 173–175; см. сообщения источников о сожжении персепольского дворца – Curt. V. 7. 3–7, Diod. XVII. 72. 2–6; Plut. Alex. 38; Arr. III. 18. 11–12; жестокости греко-македонян в Персеполе – Curt. V. 6. 1–8, Diod. XVII. 70. 1–2, 6; об избитии там пленных – Curt. V. 6. 6 Plut. Alex. 37).

²⁵ Ср. с мнением Кл. Вандерслеена, считающего *ḥꜥꜥw-nbw[t]* во всех случаях обозначением территорий Восточного Средиземноморья, которое в данном фрагменте указывает на локализацию описываемых боевых действий в Сирии: Vandersleyen. Op. cit. P. 148. Это предположение опровергается присутствующим в Urk. II. 4.5 местоимения *sn*, очевидным образом согласованного с *ḥꜥꜥw-nbw[t]* и обозначающего истребителей окружения Великого царя, которыми могли быть только греки; см. Perdu. Op. cit. P. 108. Comm. 's'. См. также следующее прим. 26.

²⁶ Vercoutter J. Les Naou-Nebout // BIFAO. 1949. 48. P. 178 ff.; *idem*. Éssai sur les relations entre Égyptiens et Préhellènes. P., 1954. P. 44; Daumas F. Les moyens d'expression du Grec et de l'Égyptien comparés dans les decrets de Canope et de Memphis. Le Caire, 1952 (CASAÉ. 16). P. 187–188; Perdu. Op. cit. P. 107. Comm. 'o'.

обозначения Ахеменидской державы в египетских источниках²⁷ и скорее всего не исчерпывает все случаи его появления в иероглифических текстах IV в. до н.э. В то же время, учитывая, что подобное значение термина *Stt* проявилось в двух фрагментах «Стелы сатрапа», кажется вполне правомерным ориентироваться на него и при интерпретации третьего и последнего случая его употребления в том же источнике. Иными словами, стоит попытаться объяснить обозначение Македонии в интересующем нас фрагменте «Стелы» как *Stt* ее соотношением в восприятии составителей данного текста по каким-то причинам с Ахеменидской державой.

Основания, по которым правители мировой державы Аргеадов, и прежде всего Александр, воспринимаются рядом современных исследователей как «последние Ахемениды», достаточно хорошо известны: это следование Александра персидской политической традиции (не только принятие персидского царского антуража, но и укрепление системы сатрапий), возвращение Александром в состав «царства стран» индийских земель (входивших в него при Дарии I), его градостроительство, происходившее на территориях, освоение которых уже началось при Ахеменидах (например, район городища Ай-Ханум), и предполагавшее чисто «восточный», неполисный статус новых поселений греко-македонских воинов²⁸. Вопрос состоит в том, способствовали ли эти основания восприятию государства Александра как

²⁷ Известно также прямое или косвенное употребление по отношению к Ахеменидскому государству VI–IV вв. до н.э., его правителям и подданным термина *ḥ 3swt* и конструкций с ним в надписи на наоформной статуе Уджахорреснета (сткк. 11, 18, 43, 44; см. публикацию: *Posener. Op. cit.* P. 1–26), в Демотической хронике (i.e. *Pap. Bibl. Nat.* 215. Vs. II. 25; *Johnson J.H. The Demotic Chronicle as an Historical Source // Enchoria.* 1974. 4. P. 5. *Not.* 20; см. публикацию: *Spiegelberg W. Die sogenannte Demotische Chronik des Papyrus 215 der Bibliothèque Nationale zu Paris.* Lpz., 1914 (*Demotische Studien.* 7)) и, как представляется, в египетских титулатурах Тахоса (G: *ḥwy-B 3kt w 3f-ḥ 3swt*), Нектанеба II (N3: *shrw-ib-ntw tkn-ḥ 3swt*), Александра (H3: *ḥk 3 kni tkn-ḥ 3swt*) и Филиппа Арридея (N: *ḥk 3-ḥ 3swt*) (*Beckerath J. von. Handbuch der ägyptischen Königsnamen.* München, 1984 (MÄS, 20). S. 116–117, 282–285; условные обозначения компонентов титулатур даны по системе этого автора). Помимо рассмотренных случаев, термин *Stt* употребляется, по-видимому, применительно к Ахеменидской державе еще и в биографической надписи в гробнице Уннефера (середина IV в. до н.э.; с точностью судить об этом невозможно из-за отсутствия удовлетворительной публикации соответствующего иероглифического текста: *Kaenel F. von. Les mésaventures du conjureur de Serket Onnophris et de son tombeau // Bulletin de la Société française d'Égyptologie.* 1980. 97–98. P. 42, 44). Мы сознательно исключаем из нашего рассмотрения случаи употребления терминов *Stt* и *ḥ 3st* применительно к владевшей Египтом иноземной силе в надписях 59, 61, 62 и 81 раннеэллинистической гробницы Петосириса (*Lefèbvre G. Le tombeau de Petosiris. 1: Description. 2: Les textes. 3: Vocabulaire et planches.* Le Caire, 1923–1924; см. *Gauthier. Op. cit.* VI. P. 95), поскольку вопрос о том, к какой именно исторической ситуации – второму персидскому владычеству (что кажется нам наиболее правдоподобным; ср. *Lefèbvre. Op. cit.* I. P. 10–11; *Meeks D. Les donations aux temples dans l'Égypte du Ier millénaire avant J.-C. // State and Temple Economy in the Ancient Near East. II. Leuven, 1979 (OLA 5). P. 655; Devauchelle D. Le sentiment anti-perses chez les anciens Égyptiens // Trans. 1995. T. 9. P. 78; Menu B. Le tombeau de Petosiris: Nouvel examen (I) // BIFAO. 1994. T. 94. P. 323–324; ср. *idem. Le tombeau de Petosiris... (2–4) // BIFAO. 1995–1996, 1998. T. 95–96, 98*) или началу периода диадохов (*Bissing F.-W. von. Die Datierung des griechisch-ägyptischen Grabes von Mellau // OLZ. 1923. 26 S. 1–3. Otto E. Die biographischen Inschriften der ägyptischen Spätzeit. Leiden, 1954 (Probleme der Ägyptologie, 2). S. 181. Anm. 4; S. 182. Anm. 1*) – относится содержание этих надписей, остается в историографии дискуссионным и требует отдельного аргументированного рассмотрения. Заметим, однако, что оба возможные варианта его решения, в рамках которых данные термины следует отнести либо к ахеменидской Персии, либо к державе Аргеадов, совместимы с предлагаемой нами интерпретацией употребления термина *Stt* в «Стеле сатрапа».*

²⁸ *Ghirshman R. L'Iran des origines à l'Islam.* P., 1976. P. 207, 211; *Briant P. Des Achéménides aux rois hellénistiques: continuités et ruptures // Annali della Scuola normale superiore di Pisa.* 1979. 9. P. 1412–1413; *idem. Alexander the Great // Encyclopaedia Iranica.* I. London–Boston–Melbourne–Henley, 1985. P. 830. О статусе и особенностях основывавшихся Александром на Востоке поселений см. *Кошленко Г.А. Восстание греков в Бактрии и Согдиана и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н.э. // ВДИ. 1972. № 1. С. 73–76; он же. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 212–214. Об иранской традиции в антураже власти Александра см. *Goukowsky P. Essai sur les origines du mythe d'Alexandre.* I. Nancy, 1978. P. 31, 43–44, 58.*

логического продолжения Ахеменидской монархии его восточными подданными. Ответить на него утвердительно, на наш взгляд, позволяет мощный пласт средневековых восточных реминисценций об Александре/Искандаре, представленных иранской и связанной с нею арабской историко-литературной и фольклорной традицией. В этом массиве источников прослеживаются две диаметрально противоположных оценки правления Александра. Одна из них, представленная средневековыми зороастрийскими текстами («Арта-Вираф намак», «Меног-и Храт», «Большой Бундахиши») и сложившаяся на волне отторжения в сасанидское время идущей от Александра традиции эллинистической государственности на иранских землях, является резко негативной. Она не только содержит обвинения македонского царя в избиениях персидской знати, зороастрийского духовенства и разрушения храмов огня, но и прямо объявляет его агентом злого начала мироздания²⁹. Другая оценка деятельности Александра (датировку которой нам еще предстоит установить), напротив, сугубо положительна. Так, в арабской классической исторической литературе I тыс. н.э. (хрониках Якуби, Динавари, ат-Табари, ал-Масуди и Талаби), восходящей в данной части к персидской традиции, Александр предстает благим законным шахом Ирана, оказывающимся побочным сыном шаха Дараба (Dârâb, или Dârâ al-Akbar; по-видимому, реминисценция образа Дария I) и сводным братом, благородным победителем и в конечном счете зятем Дары (Dârâ al-Aghar; без сомнения, Дарий III)³⁰. В эпоху «возрождения» иранского культурного самосознания в исламское время в X в. хронист Балами и знаменитый кодификатор «Шах-намэ» Фирдоуси сообщают те же, что и арабские хронисты, сведения об иранском царском происхождении Александра, царствование которого после победы над Дарой причисляется к ряду благих правлений шахов Кейянидов. В несколько переосмысленном виде эти сведения переходят и в последующую литературную традицию (произведения Низами, Амир Хосрова, Джами)³¹. Возникновение подобной подчеркнуто позитивной традиции об Александре в рамках сасанидской зороастрийской идеологии, по понятным причинам, совершенно исключается³², однако не более вероятно и ее формирование в ходе какой бы то ни было полемики с зороастризмом в сасанидское или исламское время. Трудно представить, чтобы подобная полемика на этом этапе неожиданно развернулась бы по столь незлободневному поводу, как деяния правителя более чем полутысячелетней давности, и привела бы к полному замещению представлений

²⁹ Abel A. La figure d'Alexandre en Iran // La Persia e il mondo Greco-Romano. Roma, 1966 (Accad. nazionale dei Lincei. Quaterno, 76). P. 120; Badian E. Alexander in Iran // CHIr. II: The Median and Achaemenian Period / Ed. I. Gershevitch. Camb., 1985. P. 491. Not. 2; Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи. СПб., 1994. С. 97–98. Нельзя исключить, что основой для обвинений Александра в насилиях над иранской элитой стали обстоятельства его вступления в Персиду (см. прим. 24). Подробные отсылки к средневековым арабским и иранским источникам см. в используемой нами литературе.

³⁰ Al-Iskandar, Alexander the Great // E.J. Brill's First Encyclopaedia of Islam, 1918–1936. Repr. Leiden–New York–København–Köln, 1987. III. P. 534–535; Abel. Op. cit. P. 121–124 (образ Александра в хронике ат-Табари).

³¹ Abel. Op. cit. P. 125–133 (образ Александра у Фирдоуси и Низами); Бертельс Е.Э. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.–Л., 1948. С. 19 сл.; Костюхин Е.А. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972. С. 64–70; Брагинский И.С. Искандар // МНМ. Т. 1. С. 570. О культурном развитии Ирана в IX–X вв. см. вкратце: Фрай Р.Н. Наследие Ирана. М., 1972. С. 337–344; История Востока. Т. 2. Восток в средние века. М., 1994. С. 257–261.

³² По мнению Е.Э. Бертельса, представление об Александре как законном шахе Ирана, долженствующее создать фикцию непрерывности передачи *фарра* (благодати царственности) от Ахеменидов к Сасанидам, могло возникнуть как раз в их официальной идеологии (Ук. соч. С. 12–13). На наш взгляд, это совершенно невозможно, так как легитимность самих Сасанидов зиждилась как раз на категорическом отрицании обладания *фарром* эллинистическими династиями и на идее его непосредственной передачи от Ахеменидов их прямым потомкам Сасанидам (см. Книга деяний Ардашира сына Папака / Пер. и коммент. О.М. Чунаковой. М., 1987). Совмещение же с этим обоснованием легитимности Сасанидов иной, прямо противоположной его версии, в рамках мировоззрения догматического зороастризма кажется весьма проблематичным.

о нем зороастрийской исторической концепции, при том что остальные вошедшие в нее компоненты (например, предание о Кейянидах, позитивное отношение к сасанидским шахам Варахрану V/Бахраму Гуру и Хосрову I Ануширвану и т.д.) были восприняты последующей традицией практически без изменений³³. Более вероятно, что позитивная традиция об Александре к началу средних веков носила в иранском мировоззрении общеизвестный, сравнимый по своей популярности с эпическими сюжетами характер (чем и объясняется ее подключение к циклу «Шах-намэ»). Соответственно, она должна была сложиться в иранской среде значительно раньше, когда могла иметь политическую и идеологическую актуальность в плане противопоставления Александра каким-то более поздним правителям, в отличие от него, явно не соответствующим стандарту идеального иранского царя. Исходя из этого следует признать невозможным сложение этой традиции в парфянское время, поскольку противопоставление Александра как идеального правителя Ирана Аршакидам, не только проводившим не менее «иранофильскую» политику, чем Александр³⁴, но и ставившим его в своих внешнеполитических лозунгах в один ряд с Киром, как создателя «мировой державы» под иранской эгидой (Тас. Апп. VI. 31)³⁵, заведомо не имело бы смысла. Подчеркнутая лояльность иранцев к Александру могла быть по-настоящему оправдана только в первые десятилетия после его смерти, когда стала очевидна разница между его курсом и политикой резкой эллинизации, которую стали проводить Селевкиды³⁶. Соответственно, именно к этому периоду и имеет смысл отнести возникновение позитивного образа Александра как благого правителя Ирана³⁷.

Очевидно, что аргументом в пользу предлагаемой нами датировки возникновения позитивного восприятия Александра в Иране, может служить наличие в средневековой восточной традиции о нем компонентов, появление которых может быть отнесено к раннеэллинистическому времени. В связи с этим оказывается необходимо ввести оговорку, связанную с общепризнанным влиянием на данную традицию «Романа об Александре» Псевдо-Каллисфена, хотя и сохранившего в модифицированном виде ряд реалий эпохи Александра, но сложившегося в окончательном виде

³³ А. Абель высказал мнение о возникновении позитивного образа Александра в иранской традиции лишь в исламское время, под влиянием содержащихся в мусульманском мировоззрении универсалистских тенденций, в контексте которых образ дошедшего до пределов мира македонского царя оказывался окружен совершенно особым, почти пророческим ореолом (Op. cit. P. 119, 134). На наш взгляд, это предположение совершенно не объясняет, каким образом внешняя по отношению к иранской традиции исламская концепция могла привести к полному вытеснению из нее (причем в эпоху весьма бережного к ней отношения в IX–X вв.) более раннего образа Александра, в случае если, как следует из построений Абеля, он был негативным, и почему Александр оказался включен в данную традицию не как «вселенский», а именно как иранский правитель.

³⁴ «Сбалансированный подход» к проблеме межкультурного взаимодействия и истоков политической традиции Парфянской державы (признание значимости в ее истории как иранской, в том числе восходящей к Ахеменидам, так и эллинской и плохо изученной семитской составляющих; см. *Бадер А.Н.* Проблема возникновения и политического устройства Парфянского царства в современной историографии // ВДИ. 1989. № 1. С. 216–231), конечно, не исключает ее признания более ориентализированной, нежели государство Селевкидов, в силу чисто иранских происхождения и религиозной принадлежности ее династии и сильного воздействия на ее политику со стороны парфянской родовой знати (*Фрай*. Ук. соч. С. 242–283; *Гаибов В.Г., Кошеленко Г.А., Сердитых З.В.* Эллинистический Восток. 2: Ранняя Парфия // Эллинизм: восток и запад. М., 1992. С. 37–59).

³⁵ *Гаибов, Кошеленко, Сердитых*. Ук. соч. С. 44, 46.

³⁶ Этот поворот в сторону эллинизации был хорошо прослежен Г.А. Кошеленко на примере деятельности Селевкидов по основанию полисов и предоставлению полисного статуса созданным Александром военным поселениям с целью их превращения в свою важнейшую опору: *Кошеленко*. Восстание греков... С. 76–78: *он же*. Греческий полис... С. 224–225; см. также *Голубцова Е.С.* Полис и монархия в эпоху Селевкидов. 3: Основание новых городов // Эллинизм... С. 75–79.

³⁷ Ср. с аналогичными выводами: *Eddy S.K.* The King is Dead: Study in the Near Eastern Resistance to Hellenism. 334–331 B.C. Lincoln (Nebraska), 1961. P. 73 ff.; *Badian*. Alexander in Iran. P. 492. Not. 1.

лишь в позднеантичное время (не ранее III в.)³⁸. Так, было бы весьма соблазнительно возвести свидетельства арабских и иранских авторов о великодушии Александра к умирающему Дарию, его торжественному погребению, отмщению за его смерть и женитьбе на его дочери к реминисценциям о соответствующих эпизодах царствования Александра (ср. *Agg. Anab.* III. 22. 1, 30. 1–5, VII. 4. 4; *Diod.* XVII. 83. 7–9, 107. 6; *Iust.* XII. 5. 10–11; *Plut. Alex.* 43, 70), прочно закрепившимся благодаря приданному им *publicity* в памяти иранцев. В то же время однозначный вывод об этом оказывается невозможен в силу очевидной близости этих свидетельств с соответствующими фрагментами «Романа об Александре» (в частности, в ошибочном именовании дочери Дария Роксаной; *Ps. Call. A. II.* 20–21), говорящей скорее об их заимствовании из него. Представление восточной средневековой традиции об Александре как о побочном сыне шаха Дараба также обнаруживает сходство с важнейшим компонентом «Романа» Псевдо-Каллисфена, в котором Александр, как известно, оказывается сыном последнего египетского царя Нектанеба, бежавшего в Македонию и обольстившего царицу Олимпиаду (*ibid.* I. 1–14). Очень показателен, однако, сам факт того, что в отличие от всех средневековых версий «Романа», где истинным отцом его главного героя остается фараон Нектанеб³⁹, у арабских и иранских средневековых авторов происходит его «замена» Дарабом. По мнению исследователей «Романа» прототип содержащихся в нем «египтизирующих» сюжетов должен был сложиться в Александрии, на основе египетской традиции, ок. середины III в. до н.э. При этом входящая в число этих сюжетов фикция происхождения Александра от Нектанеба служила исходно средством легитимации Александра и его преемников Птолемеев как правителей Египта в сознании его населения⁴⁰ (ср. с фикцией египетского происхождения Камбиса: *Herod.* III. 24¹). Очевидно, что перенесение данной фикции в иранский контекст, с заменой в ней фараона Нектанеба на шаха Дараба, могло быть вызвано только совершенно аналогичной потребностью в легитимации Александра как преемника Ахеменидов в иранской среде и, следовательно, должно было произойти еще в то время, когда первоначальное идеологическое значение этого сюжета не только не было утрачено, но, напротив, отчетливо осознавалось, по-видимому, еще сохраняя свою актуальность. Соответственно логично предположить, что заимствование и переосмысление иранской традицией фикции восточного происхождения Александра произошло очень рано, в период бытования, если не зарождения, вероятного египетского прототипа «Романа», и, возможно, имело место на уровне знакомства даже не с оформившимся его текстом, а лишь с легшей в его основу сюжетной конструкцией, которая приобрела широкую известность.

Стоит обратить внимание и на другую особенность средневековой восточной традиции об Александре, проявляющуюся в ее как литературно-исторических, так и фольклорных вариантах, – эпитет ее главного героя «Двуязыкий», сопрягающийся

³⁸ См., например: *Кузнецова Т.И.* Историческая тема в греческом романе: «Роман об Александре» // *Античный роман.* М., 1969. С. 186–229; *Stoneman R.* *The Greek Alexander Romance.* L., 1991; о влиянии «Романа» на средневековую восточную традицию об Александре: *Бертельс.* Ук. соч. С. 9 сл.; *Abel.* *Op. cit.* P. 121.

³⁹ См., например: *Александрия // «Изборник»:* Сборник произведений литературы древней Руси. М., 1969. С. 237 сл.; о традиции средневековых версий «Романа»: *Ross D.J.A.* *Alexander Historiatus: A Guide to Medieval Illustrated Alexander Literature.* L., 1963; *Cary G.* *The Medieval Alexander.* Camb., 1967.

⁴⁰ О датировке вероятного александрийского прототипа «Романа»: *Berg B.* *An Early Source of the Alexander Romance // GRBS.* 1973. 14. P. 381–387; *Samuel A.E.* *The Earliest Elements in the Alexander Romance // Historia.* 1986. 35. S. 429; о его идеологической направленности: *Струве В.В.* У истоков романа об Александре // *Восточные записки.* Т. 1. Л., 1927. С. 131–146; *Кинжалов П.В.* Легенда о Нектанебе в повести «Жизнь и деяния Александра Македонского» // *Древний мир.* М., 1962. С. 537–544; *Stoneman.* *Op. cit.* P. 11–12; о возможном отражении в «египтизирующей» части «Романа» стилистики ее демотического прототипа: *Jasnow R.* *The Greek Alexander Romance and Demotic Egyptian Literature // JNES.* 1997. 56. P. 95–103 (с подробным обзором литературы по проблеме в целом).

⁴¹ *Atkinson K.M.T.* *The Legitimacy of Cambyses and Darius as Kings of Egypt // JAOS.* 1956. 76. P. 172 ff.; *Hoffman I.* *Kambyses in Ägypten // SAK.* 1981. 1. S. 185.

в ряде случаев с представлением о том, что у него были рога⁴². Несомненно, что употребление этого эпитета по отношению к Александру должно восходить к представлению о его рождении от бога Зевса-Аммона с бараными рогами⁴³: именно на основе этого представления уже при жизни Александра возникает обычай его появления в торжественных ситуациях в обличье Аммона, в том числе с рогами на голове (FGr.H. Nr. 126: Ehippos von Olynth. F. 5. = Athen. XII. 537e: "Ἐφίππος δὲ φησὶν ὡς Ἀλέξανδρος καὶ τὰς ἱερὰς ἐσθήτας ἐφόρει ἐν τοῖς δ' εἰπνοῖς, ὅτε μὲν τὴν τοῦ Ἀμμωνος πορφύριδα καὶ περισχιδεῖς καὶ κέρατα κα θάπερ ὁ θεός...), а после его смерти складывается известная традиция его изображения с «рогами Аммона» на статуях и монетах эллинистического времени⁴⁴. Заметим, что в античных версиях «Романа об Александре» связь этого атрибута с богом – родителем и покровителем македонского царя осознается очень отчетливо (Ps. Call. A. I. 4, 6 – в образе Аммона с бараными рогами собирается явиться Олимпиаде ее соблазнитель Нектанеб; *ibid.* 29 – бог Аммон является в подобном виде Александру во время инкубации в его храме в оазисе), но при этом употребление применительно к Александру эпитета «Двурогий», либо представление о том, что у него самого были рога, отсутствуют. Напротив, в средневековой восточной традиции лишь одно из толкований «двурогости» Александра – ссылка на благородство его происхождения со стороны обоих родителей – может быть с очень существенными натяжками возведено к реминисценциям идеи его рождения от божества. Это позволяет предположить, что топос средневековой восточной традиции о «двурогом» Александре не был воспринят из «Романа об Александре», а сложился в иранской среде в результате ее непосредственного соприкосновения с античной традицией «наделения» Александра «рогами Аммона». Само это соприкосновение должно было произойти либо вне какого-либо представления о «связи» Александра и Аммона, лежащей в основе данной традиции, либо на столь раннем этапе, что реминисценции об этой ее основе оказались утрачены по причине ее неактуальности для иранской среды в ходе дальнейшей передачи топоса о «двурогом» Александре. Было бы весьма заманчиво, хотя и недоказуемо, отнести его проникновение в иранскую традицию еще ко времени жизни Александра (заметим, что упомянутое нами сообщение Эфиппа о публичных появлениях Александра с атрибутами Аммона оказывается вписано как раз в контекст пребывания македонского царя на Востоке в 324–323 гг.; ср. Athen. XII. 538a); однако в любом случае оно должно было произойти не позднее раннеэллинистического времени, когда изображения Александра с «рогами Аммона» были явлением, привлекающим к себе внимание по причине своей новизны и политико-идеологической актуальности⁴⁵.

⁴² Dhu 'l-Karnain // E.J. Brill's First Encyclopaedia of Islam. 1918–1936. II. P. 962; Бертельс. Ук. соч. С. 14–16, 65; Костюхин. Ук. соч. С. 105–136 (сказочный сюжет о рогатом Искандере).

⁴³ См., например: The History of Alexander the Great. Being the Syriac Version of Pseudo-Callisthenes / Ed. E.A. Wallis Budge. Cambr., 1889. P. LI. Исследователи средневековой восточной традиции об Александре высказывали предположения о возможных иных истоках этого его эпитета (восприятии рогов как символа мощи правителя, переосмыслении применительно к Александру мифа о Мидасе и перенесении на него некоторых мотивов «Эпоса о Гильгемеше», сказывающихся не только в его «наделении» рогами, но и введении в рассказы о нем сюжета поиска бессмертия и др.; см. Бертельс. Ук. соч. С. 15–16. Костюхин. Ук. соч.; а также: Тураев. Ук. соч. С. 124). Не отрицая возможной роли этих представлений в возникновении данного эпитета Александра в средневековой традиции, мы полагаем, что их перенесение на Александра могло произойти только при наличии к тому некоего повода, которым была его связь с Аммоном и внесение наиболее заметного атрибута этого божества в его иконографию.

⁴⁴ Grimm G. Die Vergöttlichung Alexanders des Großen in Ägypten und ihre Bedeutung für den Ptolemäischen Königskult // Das Ptolemäische Ägypten: Akten des Internationalen Symposions 27. – 29. September 1976 in Berlin / Hrsg. von H. Maier, V. M. Strocka. Mainz, 1978. S. 103–104. Abb. 70–73; Mørkholm O. Early Hellenistic Coinage: From the Accession of Alexander the Great to the Peace of Apamea (336–188 B.C.). Cambr., 1991. P. 63–65. Fig. 90, 92–95 (монеты Птолемея); P. 27, 81. Fig. 178–179, 181–182 (монеты Лисимаха).

⁴⁵ Монетный тип изображения Александра с «рогами Аммона» не получил распространения в чекане государства Селевкидов (как кажется, единственное исключение – ранний чекан Селевка I, представляющий имитацию монетного типа сатрапа Птолемея; Mørkholm. Op. cit. P. 27. Fig. 137), что, разумеется,

Таким образом, возникновение традиции, основанной на восприятии Александра как благого правителя Ирана, можно отнести к раннеэллинистическому времени (т.е. к ближайшим десятилетиям после его смерти), сделав вывод, что в ее основе должно было лежать восприятие его деятельности и созданной им державы как продолжения политической традиции Ахеменидов. Представляется, что подобным образом политическая деятельность и держава Александра должны были восприниматься не только иранцами, но и вообще всеми его подданными на покоренных территориях Востока. Известно, что для египтян Александр и его преемники Аргеады были легитимными фараонами, о чем свидетельствуют их титулатуры⁴⁶; соответственно, жители «Обеих Земель» исходили из идеи независимости своей страны под властью Аргеадов и даже, по-видимому, о некоем фиктивном господстве Египта в лице его новых македонских правителей над остальной Передней Азией (как показывают титулатуры Александра и их сопоставление с некоторыми фрагментами греческих версий «А» и «С» «Романа об Александре» – PsCall. A. I. 34. 2, С. II. 27. 3)⁴⁷. В то же время это во всяком случае не исключает возможности восприятия неегипетских владений Александра и его преемников как политического единства, воспроизводящего державу Ахеменидов, которое, как и эта держава ранее, могло быть обозначено термином *Stt*.

Остается выяснить, каким образом в это единство в представлениях египтян могла быть включена Македония. С наибольшей вероятностью, различия в статусе Александра по отношению к Македонии, греческим полисам и завоеванным им восточным странам были для его восточных подданных заведомо смутными и неактуальными. Скорее всего, все территории в рамках сферы влияния Александра мыслились ими как единая держава, а его власть по отношению ко всем этим землям – как аналог власти древневосточного монарха. Не говоря о том, что подобное восприятие вполне соответствовало бы личным устремлениям Александра, оно стало вполне корректным с формально-правовой точки зрения после слияния всех земель в его сфере влияния в единую автократическую структуру в конце его царствования. Прямые указания на принятие решения об этом содержатся, на наш взгляд, в описании античными авторами завершения мятежа македонских ветеранов Александра в Описе в начале 324 г. Согласно сообщению об этом Арриана, восходящему, по-видимому к произведению Птолемея и комментировавшемуся особенно часто, в знак примирения со своими воинами, Александр устроил торжественный пир с участием как македонян, так и варваров, на котором среди прочего «молились о разных благах и о согласии и общности государства у македонян и у персов» (*Arr. Anab. VII. 11. 9: εὐχέτο δὲ τὰ τε ἄλλα ἀγαθὰ καὶ ὁμόνοιαν τε καὶ κοινότητα τῆς ἀρχῆς Μακεδόσι καὶ Πέρσαις*). В первой половине – середине XX в. ряд авторов (в частности У. Тарн) высказали предположение о том, что эта молитва на пиру стала одним из проявлений искреннего и исключительно важного для Александра лично его стремления достигнуть слияния находившихся под его властью народов⁴⁸. Соглашаясь с мнениями

не исключает знакомства иранцев с иными вариантами данной изобразительной традиции. Не исключено, однако, что в сложении топоса «двурогого» Александра могли сыграть известные как раз в восточных сатрапиях в царствование Селевка I монеты с изображениями Александра в рогатом шлеме или в рогатом шлеме и на рогатом коне (Букефале); см., соответственно: *ibid.* P. 27. Fig. 139. P. 73. Fig. 142–143).

⁴⁶ См. титулатуры Александра и его преемников в сводке египетских царских имен: *Beckerath. Op. cit.* S. 117, 285–286. См. также: *Ладьянин И.А.* Египетская царская титулатура Александра Великого // *Вестник МГУ. Серия 8. История.* 1999. № 2. С. 85–97; *Hölbl G.* Königliche Legitimität und historische Umstände im Spiegel der pharaonischen Titulaturen der griechisch-römischen Zeit – einige Interpretationen und Diskussionsvorschläge // *Sesto congresso internazionale di egiptologia. Atti. I. Torino, 1992.* P. 273–274.

⁴⁷ *Maspero G.* Comment Alexandre devint dieu en Égypte // *Annuaire de l'École pratique des Hautes Études.* 1897. P. 25; *Ладьянин.* Египетская царская титулатура... С. 96.

⁴⁸ *Turn W.W.* Alexander the Great. Camb., 1948. 2. P. 442–443. Подробнее о дискуссии по проблеме «единства человечества» в политике Александра см. *Seibert J.* Alexander der Große. Darmstadt, 1972 (Erträge der Forschung, 10). S. 186–191.

критиков данного предположения о натянутости привлекаемых в его пользу аргументов, следует все же отметить, что они не предложили какой-либо альтернативной интерпретации данного фрагмента Арриана, видя в нем лишь отражение вполне рядового эпизода⁴⁹. Как кажется, ошибочными являются попытки интерпретации данного сообщения в отрыве от коррелирующегося с ним фрагмента речи Александра перед его немакедонскими войсками в Описе в изложении Курция Руфа. Помимо общих фраз о равенстве персов и македонян в военной доблести и необходимости их взаимоуважительного отношения к культуре друг друга, Курций вкладывает в уста Александра некоторые четкие правовые дефиниции, которые, вероятно, предполагают «модернизированное» восприятие описываемого эпизода через призму римской развитой государственно-правовой терминологии, но, скорее всего, довольно точно передают суть дела: «В Азии и Европе существует одно и то же царство... Те, кто будет жить под властью одного и того же царя, должны быть одного и того же права» (Curt. X. 3. 13–14: *Asiae et Europae unum atque idem regnum est... Eiusdem iuris esse debent, qui sub eodem rege victuri sunt*). Иными словами, с точки зрения античных авторов в Описе Александром фактически было провозглашено слияние всех находящихся в рамках его сферы влияния в Европе и Азии областей в единую структуру, в основу которой легла оформившаяся на протяжении восточного похода автократия македонского царя⁵⁰. Как представляется, именно практическим воплощением этой декларации стало начавшееся в том же году распространение на греческие полисы и Македонию сложившейся в окружении Александра на востоке практики его культа (см. о требовании Александра к греческим полисам о его обожествлении: Ael. VH. II. 19; Plut. Apophth. lac. 219; о его обсуждении и принятии полисами: Hyper. C. Dem. Col. 31–32; Ael. VH. II. 19; V. 12; Athen. VI. 261b; Val. Max. VII. 2 ext. 13; Dinarch. C. Dem. 94; PsPlut. Vit. X Orat. Lyc. 27; Plut. Apophth. reg. et imp. 187e; Diog. Laert. VI. 63; Arr. Anab. VII. 23. 2⁵¹; о реакции на это требование наместника Македонии Антипатра: Suidas, s. v. 'Αντίπατρος) и, на наш взгляд, в неразрывной связи с нею, его абсолютной власти (самым заметным проявлением этого стало решение о возвращении в греческие полисы всех изгнанников: Diod. XVII. 109.1; XVIII. 8.4; Plut. Apophth. lac. Eudamid. 9; Curt. X. 2.4–7; Iust. XIII. 5.2–5; Dinarch. ibid. 81–82; Hyper. ibid. 18; Tod II. Nos. 201–202; Michel 417)⁵²; одновременно Александр намеревался крепче

⁴⁹ Badian E. *Alexander the Great and the Unity of Mankind* // *Historia*. 1958. 7. S. 428–432; Bosworth A.B. *Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great*. Camb., 1988. P. 160–161.

⁵⁰ Стоит обратить внимание на мнение А. Хейссерера, что посольство Александра во главе с Никанором из Стагиры, которое было уполномочено огласить основанное на новом политическом статусе Александра по отношению к греческим полисам его решение о возвращении в них всех изгнанников (см. ниже), могло достигнуть Греции к середине лета 324 г. до н.э. только в случае, если принципиальное решение об этом и отправка посольства состоялись не позднее начала марта, т.е. как раз накануне или во время событий в Описе: Heisserer A.J. *Alexander the Great and Greeks: The Epigraphic Evidence*. Norman (Oklahoma), 1980. P. 188. Ср. Bosworth. *Conquest and Empire...* P. 221. Not. 37.

⁵¹ Atkinson K.M.T. *Demosthenes, Alexander and Asebeia* // *Athenaeum*. 1973. 51. P. 310–335; Goukowsky. *Op. cit.* P. 60–61; Badian E. *The Deification of Alexander the Great* // *Ancient Macedonian Studies in Honor of Charles F. Edson*. Thessaloniki, 1981. P. 54–58; Bosworth. *Conquest and Empire...* P. 288–289; Маринович Л.П. Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). М., 1993. С. 208–210; Ладьянин И.А. Обожествление Александра Македонского и греческое общественное сознание в 324–323 гг. до н.э. // *Общественное сознание в кризисные и переходные эпохи*. М., 1996. С. 21–25.

⁵² Возвращение Александром изгнанников в города-государства Балканской Греции в 324 г. до н.э. следует считать свидетельством абсолютизации его власти по отношению к ним, поскольку оно выходило за рамки системы отношений между греческими полисами и македонским царем как их стратегом-автократом, установленной Коринфским договором: Маринович. Ук. соч. С. 199–207 (с подробными отсылками к литературе; ср. особ. о работах В. Эренберга, Кл. Прео и Т. Райдера – с. 206–207). Этому не противоречит мнение Э. Бэдиана о преимущественном значении для Александра в его отношениях с греческими полисами соображений конъюнктуры, а не условий Коринфского договора (Badian E. *Alexander the Great and the Greeks of Asia* // *Ancient Society and Institutions: Studies Presented to Victor Ehrenberg*. N.Y., 1967. P. 60; ср. Маринович. Ук. соч. С. 207): последние соблюдались Александром (например, при четком отделении той фазы восточного похода, которая велась им в качестве союзного стратега-автократора, от его

привязать Македонию к автократической структуре своей державы, вызвав связанного со старомакедонской знатью Антипатра на Восток во главе свежих войск и назначив новым наместником Македонии преданного ему Кратера (Арг. Anab. VII. 12.4–5; Iust. XII. 12.9). Провозглашенное Александром единство его державы должно было стать правовой и исторической основой для создания после его смерти единой (по крайней мере теоретически) для всех македонских владений и в Европе и в Азии политической структуры во главе с формальными царями-наследниками и, в начале, с единоличным фактическим правителем: как известно, эта структура просуществовала в более или менее жизнеспособной форме до середины предпоследнего десятилетия IV в. до н.э. и окончательно, на формальном уровне, отмерла лишь в результате самопровозглашения диахов царями в 306–305 гг. до н.э.⁵³, то есть лишь спустя несколько лет после составления «Стелы сатрапа».

Таким образом у египетских составителей «Стелы» имелись веские основания воспринимать Македонию, как на формально-правовом уровне, так и на уровне «обыденного сознания» в качестве неотъемлемой части созданной Александром автократической мировой державы. Бывшее же, по-видимому, общим для Ближнего и Среднего Востока представление об этой державе как о новом качестве государства Ахеменидов закономерно должно было повлечь за собой перенесение на нее и ее составные части ранее соответствовавших этому государству обозначений. Соответственно, употребление в «Стеле сатрапа» по отношению к Македонии обозначения *Stt* оказывается мотивировано ее положением в составе политической структуры державы Аргеадов.

THE TOPONYM *STT* IN THE SATRAP STELA (URK. II. 13.4): ON THE PERCEPTION OF THE ARGEADAI EMPIRE IN THE ORIENT

I.A. Ladynin

The paper suggests an interpretation of a passage of the so-called Satrap Stela (an Egyptian hieroglyphic source from the time of Ptolemy's satrapy in Egypt in 310s BC) reading as follows: «[When] he (Alexander IV, son of Alexander the Great and Roxane and nominal Pharaoh of Egypt. – *I.L.*) was a King in Two Lands [and] in foreign countries, [when] His Majesty was in Asia, there was a great ruler

«личной войны» после окончательного поражения Персии, когда он распустил контингенты Коринфского союза и лишь предложил желающим из их числа присоединиться к нему в качестве наемников; см. *Bosworth. Conquest and Empire...* P. 97 – с подробными отсылками к источникам), пока отношения с полисами были для него менее важны, чем продолжающийся восточный поход. По окончании последнего на первый план закономерно вышла задача унификации управления территориями в сфере влияния Александра: среди них особенно «выбивался» своей автономией и характером политической традиции именно полисный мир Балканской Греции. Можно согласиться с мнениями З. Яшинского и Л.П. Маринович о том, что импульсом к инкорпорированию полисов в единую структуру владений Александра стала опасность, проившаяся в связи с бегством Гарпала в 325 г. (*Jaschinski S. Alexander und Griechenland unter dem Eindruck der Flucht des Harpalos. Bonn, 1981; Маринович. Ук. соч. С. 201*), – в плане даже не непосредственных последствий этого эпизода, а самой возможности сравнительно легкой дестабилизации державы Александра в столь уязвимой ее части, как автономный мир полисов.

⁵³ См. о политической истории последних десятилетий IV в. до н.э.: *Шофман. Ук. соч.* (см. также рец. Г.С. Самохиной // ВДИ. 1988. № 1. С. 215–221); *Will E. The Succession to Alexander // CAH². VII. 1. 1984. P. 23–61*; о так называемом «годе царей»: *Müller O. Antigonos Monophthalmos und das 'Jahr der Könige' // Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde. 1973. 11. S. 93–100; Samuel A.E. Ptolemaic Chronology. Munich, 1962. (MVPAR, 43). P. 4–10* (о датировке принятия царского статуса Птолемеем). На наш взгляд, рубежом, после которого распад державы Аргеадов стал неотвратим, было перенесение после встречи диахов в Трипарадесе местопребывания царей и регента Антипатра из ее естественного географического центра в Передней Азии в Европу. В результате этого центральная власть державы утратила контроль за большинством ее провинций и возможность справиться с внутренними проблемами, подобными тем, которые еще в конце 320-х годов решались вполне эффективно (например, восстание военных поселенцев в Средней Азии в 323 г., Ламийская война, мятеж Кратера и Неоптолема в начале 321 г. и т.п.).

in Egypt [whose] name was Ptolemy (*iw.f m nsw m t3wy h3swt iw hm.f m-hnt Stt iw wn wr- 3 m B3kt Ptrwmis rn.f*). The peculiarity of the passage is the apparent use of the word *Stt* to denote Macedonia (Alexander IV and Roxane had been staying there since early 310s BC and the text is dated 311 BC). This same toponym is applied to the Achaemenian empire in another passages of the Satrap Stela (ibid. 14.9–10, 16.14) and the Stela of Naples (ibid. 3.11–16, 4.3–4).

The toponym's use in the passage under consideration can be explained through the «inclusion» of Macedonia in the conception of the Achaemenian empire held by those compiling the Stela. The conception of Alexander / «the two-corned Iskandar» as a successor of the Achaemenids and a noble ruler of Iran is widely attested in the medieval oriental tradition. Such a conception seems to date from early Hellenistic period, when it must have been common in all the oriental countries conquered by Alexander, including Egypt. Inhabitants of these countries must have perceived all of Alexander's possessions, including Macedonia, as a unity reproducing in its greater part the former Achaemenian empire. In line with this, Macedonia and Greece were really formally adjoined by Alexander to his oriental possessions in early 324 BC (cf. Arr. Anab. VII. 11. 9, Curt. X. 3. 13–14). Hence the compilers of the Stela could extend the designation of the former Achaemenian empire to include Macedonia, the latter being looked upon as a component of its new form under Argeadai' rule.